

АВТОБИОГРАФИЯ В КАРТИНКАХ

Только теперь я могу открыться. Долго мы уговаривали Генриха Шура написать о себе (все равно лучше никто не напишет), и не уговорили. Тогда (зная словоохотливость Генриха) я попросил его выделить из фотоархива несколько фотографий и прокомментировать каждую на диктофон. Хитрость удалась, и мы без всякой правки и купюр печатаем его рассказ о 70 прожитых.

Ю. Янин, член редколлегии.

Родился я в Москве на Страстном бульваре (пл. Пушкина), в нормальной семье, но с некоторым оттенком экзотики, и не так по национальному признаку и социальному происхождению, как по созвучию ФИО, а именно:

мама – Шур Ревекка Шлемовна Насоновна, из традиционной семьи московских интеллигентов; папа – Хорбна (Хорин) Василий Иванович, из многодетной (12 детей) семьи сельского учителя Орловской губернии.

Ранний развод родителей оставил меня без отца. Знаю, что никогда отец не брал в рот хмельного и не курил. Работал с Лихачевым по созданию ГАЗа, позже у Лавочкина и в академии им. Жуковского.

Воспитывал меня московский двор, с футболом, битыми стеклами и носами на Мясницкой улице. Недалеко был городской Дворец пионеров (пер. Стопани), где я успешно играл в шахматы и в оркестре. Там, на Мясницкой (позже ул. Кирова), в 1934 г. я видел похороны С.М. Кирова и все политбюро. Вторым домом были стадионы "Юных пионеров" и "Динамо". Там я видел легендарный матч "Спартак" – "Баски", который выиграли наши со счетом 6:2, с тех пор и болею за "Спартак", стаж небольшой... 60 лет! Лето, как и все, проводил в пионерлагере, что и запечатлено на этой фотографии.

Только сейчас обнаружил на ней вождя народов, который как будто бы зорко наблюдает за нами.

Уже тогда он и изобретенная большевиками система ГУЛАГа держала нашу семью в "ежовых рукавицах". Вечным ссыльным был мой любимый дед, меньшевик-идеалист, ответственный работник лесной промышленности. В питерских "Крестах" сидел дядя. И хотя нас преследовали кошмарные сны, но я никогда не мог себе представить, что всего через 4 года и до меня доберутся.

Война застала меня в пионерском лагере между Опалихой и Нахабино. Там мы прочли первые немецкие листовки и поняли, что с детством покончено. На этом месте я случайно оказался через много, много лет. Торопясь на московский четверг, я трусил на старт вдоль посадок и вдруг меня что-то остановило. В прогале посадок открылся очень знакомый пейзаж, но я в тот момент ничего не сообра-

зил. Возвращаясь после финиша, я остановился и вдруг все сразу узнал. Это был тот самый пионерлагерь, который я узнал через 52 года!

Началась война.

Как и все московские мальчишки, мы собирали осколки и сдавали их на переплав. Дежурили на крышах, ликвидировали "зажигалки". Как только бомбы-зажигалки попадали на крышу, они страшно шипели и через несколько минут должны были разбрызгать горючую смесь. Мы огромными щипцами быстро сбрасывали их с крыши, а ребята внизу эту бомбу топили в бочке с водой, и она там задышалась. Но вскоре семья, во главе с дедом, эвакуировалась в г. Киров, где расположилось Министерство лесной промышленности. Здесь и началась моя трудовая деятельность. Мы с ребятами шкурили заготовки для солдатских лыж на знаменитой теперь лыжной фабрике "Россия". Но относительно спокойная жизнь неожиданно закончилась. До сих пор поражаюсь изощренному изобретению партии и правительства "О трудовой армии". В нее могли призвать любого человека, и, попав туда, ты становился рабом под лозунгом "Все для фронта – все для победы". А подростки, став трудармейцами, становились вообще бесправными, так как не имели паспортов. Среди них оказался и я. Оторвав от работы и семьи, меня в теплушке перевезли в Новосибирск и сдали мастеру цеха обо-

